

ОБЩЕСТВО

МНЕНИЕ

Феномен исторической памяти

Почему нужна борьба с идеализацией советского прошлого

Роберт Латыпов, председатель
Пермского краевого отделения
Международного общества
«Мемориал»

В современной России ситуация с тем, какой оценки заслуживает эпоха сталинизма, является поистине пародоксальной. С одной стороны, тот факт, что миллионы ни в чём не повинных людей стали жертвами террора, ни для кого не является секретом. С другой стороны, ни государство, ни общество ещё не готовы к тому, чтобы критически, без идеализации оценивать события истории и отказаться от мифов «о славном героическом прошлом» той эпохи.

Благодаря стараниям общества «Мемориал» и ряда других организаций, а также благодаря рассекречиванию российских архивов и обширным исследованиям историков, краеведов и журналистов нам сегодня известно большое количество мест, непосредственно связанных с историей сталинского террора. Это и здания, где раньше располагались учреждения НКВД и где принимались решения о массовых репрессиях и выносились приговоры. Это и несчтное количество тех мест, где репрессии осуществлялись и где приговоры приводились в исполнение, — это места массовых расстрелов и братские могилы, лагеря и тюрьмы НКВД, спецпоселения и исправительные колонии.

Доступные нам на сегодняшний день источники позволяют проанализировать и оценить охват репрессий и их характер, выявить, кто именно подвергался репрессиям. Ещё есть живые очевидцы этих ужасных событий, они могут дать ответы на вопросы, которые не найдёшь в официальных бумагах. Теоретически люди знают о том, что в стране раньше совершались репрессии, и это могло бы стать основой для открытого разоблачения идеализации советского прошлого, мифов и попыток перекраивания истории. Тем не менее в сегодняшней России в глаза бросается крайняя фрагментарность памяти о сталинских репрессиях.

Проводимые нами интервью всё больше укрепляют меня в убеждении, что на сегодняшний день в России уже не отрицаются сам факт существования сталинских репрессий и системы тюрем и лагерей. Все опрошенные нами люди знают о ГУЛАГе, о политических репрессиях. И это люди разных национальностей, с разным уровнем образования

и принадлежащие к совершенно разным слоям населения, живущие в городе и на селе, — то есть люди совершенно разные. И все они без исключения имеют представление о масштабах проводившихся репрессий и приблизительном количестве их жертв, могут даже назвать наиболее известные имена тех, кто стоял за всей этой системой.

И в то же время память о репрессиях очень ассоциативна и фрагментарна, наполнена большим количеством личных переживаний и субъективных образов.

Так, говоря о том, что такое ГУЛАГ, человек может привести вам в пример аспекты лагерной жизни и распорядка дня, называть какие-то отдельные события, места или явления, но при этом совершенно не имеет представления о том, каких размеров достигала вся эта карательная система. Он не имеет представления о сотнях лагерных управлений и тысячах лагерных пунктов, разбросанных по нашей стране, об этом огромном механизме — своего рода государства в государстве.

Сегодня для большей части россиян ГУЛАГ — это то, что показано в фильме «Холодное лето 1953-го», или то, о чём говорится в повести Солженицына «Один день из жизни Ивана Денисовича». И это в лучшем случае. Представление о том, что такое ГУЛАГ, состоит зачастую из нагромождений мифов, а недостаток знания фактической информации компенсируется ассоциациями, фобиями и личными впечатлениями. Таким образом, события советского прошлого оценивают, основываясь не на фактах, а на эмоциях, и их интерпретация зависит от морально-нравственных принципов отдельного человека и его личного взгляда на проблему террора и репрессий.

Кроме того, память россиян о терроре фокусируется прежде всего на самих жертвах репрессий, а не на тех, кто их совершил. Государственные структуры и их сотрудники остаются как бы за пределами этой памяти. Большинством моих сограждан политические репрессии советского времени воспринимаются как некое стихийное бедствие или пожар, раздутый большевиками, и при этом нет и речи об ответственности государства за учинённые им преступления.

Очень показательным в этом плане был случай, когда в рамках летней школы мы посещали памятное место Створ на реке Чусовой. К нам подошла группа туристов, и один молодой человек вспомнил о судьбе своего деда, который попал в руки сотрудников НКВД и затем был сослан на 10 лет по приговору какого-то негодяя судьи в лагеря, где и сгинул. Когда я в связи с этим попытался заговорить с ним о вине государства, его ответственности за совершившиеся преступления, молодой человек лишь махнул рукой и сказал: мол, да при чём тут вообще государство? Просто судья, засадивший деда в тюрьму, был подонком, вот и всё. Нельзя считать, что эпоха Сталина была таким прямо ужасным временем, мы ведь войну тогда выиграли...

Увиденное на Створе увязывается в памяти молодого человека в первую очередь с историей о деде, вызывает негодование по поводу несправедливости его судьбы, но при этом не является толчком к тому, чтобы задуматься о сущности машины репрессий и её размерах. Даже просто спросить себя: кто на самом деле в ответе за всё происходившее? Это нежелание или неумение абстрагироваться от личной истории семьи и критически осмысливать исторические факты на сегодняшний день проявляет себя как тенденция снять вину с государства за его деяния.

Такое чувство, что и на сегодняшний день в сознании людей преобладает миф о неприосновенности государства. Этот миф находит выражение, например, в широко распространённом мнении, что русский народ в то время нуждался в сильном вожде, да и сегодня тоже в нём нуждается. И этой необходимостью жёсткого управления страной — в целях сплочения общества, модернизации или стабилизации государства — и сегодня продолжают оправдывать необходимость репрессий и оспаривать сам факт совершившихся преступлений.

Создаётся впечатление, что люди воспринимают эпоху сталинского террора как нечто, что их уже не касается, как «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой». Кто-то считает, что такая пассивность вообще является особенностью нашего времени. Некоторые говорят, что такие феномены, как пассивность и равнодушие к памяти, — вообще специфическая черта русского народа.

С этим я никак не могу согласиться. В качестве подтверждения своего мнения могу привести пример с памятью о другом трагическом событии в истории нашей страны — Великой Отечественной войне. Традиция праздновать 9 мая День Победы воспринимается народом с большим воодушевлением, и о пассивности по отношению к этому памятному событию со стороны людей не может быть и речи. В отличие от политических репрессий каждый чувствует свою причастность к событиям войны, считает их неотделимой частью истории своей семьи или своей личной.

Слова «Никто не забыт, ничто не забыто» красочно иллюстрируют отношение к культурной памяти народа, так же как и акции «Георгиевская ленточка», массовые возложения венков к могилам солдат, всё возрастающее участие волонтёров в поисковых отрядах и т. д. Все эти акции достигли размаха общественного движения, которое активно поддерживается со стороны государства, и для большинства людей участие в мероприятиях по случаю празднования Дня Победы — их личная инициатива и желание, вне зависимости от их возраста.

Логика русских людей в этом вопросе совсем иная. Отсутствие интереса к теме политических репрессий и сталинского террора связано прежде всего с весьма распространённой позицией: мол, зачем всё это надо, если меня лично это никак не касается? С другой стороны, русские искренне возмущаются, когда им говорят о противоречии: народ—победитель с одной стороны и непризнанные жертвы

политических репрессий с другой стороны. Мол, да что вы говорите, ведь было и хорошее, была же победа! Наконец, любая попытка разоблачения мифов и обличения идеализации советского прошлого наталкивается на праведный гнев человека, воспринимающего это как посягательство на его патриотические чувства: «Моя страна — это моя страна. И я горжуся ей во что бы то ни стало!»

Вне всякого сомнения, причины пассивности памяти людей стоит искать в проводимой государством политике в отношении событий советского прошлого и в попытках перекроить историю, перевернуть всё с ног на голову. Строительство музеев и мемориальных комплексов в память о жертвах сталинского террора не является одной из приоритетных задач для государства. Да и сами власти имущие весьма неохотно выражают свою позицию по этому вопросу публично, не хотят говорить о своём отношении к преступлениям сталинской эпохи.

На нашей совести дать взамен такой фрагментарности памяти народа всеохватывающее знание об истории террора, репрессий, их жертв и исполнителей. Наша задача состоит в том, чтобы показать связь между различными явлениями, происходившими в эпоху сталинизма, между отдельными проявлениями террора, начиная с массовых ссылок, коллективизации и вплоть до эпохи Большого террора в 1937–1938 годах, до системы лагерей и тюрем НКВД. Россиянам нужно разъяснить идеологическую подоплётку происходившего, рассказать о советской модели власти, о машине репрессий и, само собой, о том, какой была повседневная жизнь простых людей в эпоху сталинизма. Лишь просвещением и распространением специальных знаний можно добиться искоренения мифов из массового сознания.

Важно постоянно напоминать государству и людям в нём, что необходимо уметь признавать своё прошлое и нести за него ответственность. Необходима юридическая и правовая оценка происходивших событий.

Вместе с тем жертвы репрессий не должны представляться безликой массой. У жертв террора должно быть лицо, в центре внимания в этом вопросе должен стоять человек, человеческая личность. Лишь так мы сможем дать понять нынешнему поколению, каковы могут быть последствия, если предоставить государству неограниченную власть. Только если граждане страны проявляют инициативу и осознают свою ответственность, государство имеет меньше шансов взять неограниченную власть над ними и только тогда люди могут контролировать государство.

Наша сегодняшняя цель — подвести людей к выводу, что память о жертвах сталинского террора нужна, что необходимо борьба с идеализацией советского прошлого и перекраиванием истории и что сталинские репрессии являются частью памяти народа. Без сомнения, такая задача — непростой для нас вызов. Но если хотим жить сегодня по чести и совести, мы во что бы то ни стало должны принять этот вызов и достичь цели.